

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Еще о Вл. И. Немировиче-Данченко. — «Трудные годы»
в Художественном театре. — Н. П. Хмелев

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ за миг актерского вдохновения многое мог простить актеру. Он любил талантливого актера таким, каков он есть, со всеми его слабостями: подчас неуравновешенностью, болезненным самолюбием, иногда грубостью. Немирович не скрывал своих симпатий к актеру, даже мог его захвалить, и актер иногда зазнавался и начинал хамить по адресу самого Владимира Ивановича.

Станиславский по отношению к актеру исходил из идеальных требований и никогда ничего не извинял ему. Если у актера кружилась голова от успеха и он начинал зазнаваться, Константин Сергеевич бил тревогу или резко ставил вопрос о гибели художника. Любя актера и его искусство, Станиславский терпеть не мог богемы, тогда как Владимир Иванович сам питал к ней некоторую склонность, в нем самом было нечто от артистической богемы. В молодости он азартно играл в карты, любил ночную клубную жизнь.

Творческая мысль того и другого художника развивалась самостоятельно в области непосредственной режиссуры и методологии репетиций. Но, движимые полемическим темпераментом по отношению друг к другу, притом молясь как бы одному богу в театре, они всю жизнь творчески спорили и брали под сомнение каждое новое положение, каждую творческую мысль, высказанную другим. Но — для того, чтобы проверить эту мысль и двигать искусство дальше.

В творческой программе Художественного театра требованием к актеру было — перевоплощение в образ на основе переживания. В этом требовании Немирович-Данченко с особой бдительностью оберегал акт перевоплощения в образ. То, что во многих театрах и многих наших спектаклях актеры и режиссеры зачастую начинают забывать образную природу сценического искусства, в какой-то мере является следствием недооценки замечательных заветов, какие оставил нам Владимир Иванович Немирович-Данченко.

Константин Сергеевич был влюблен в театр во всем его блеске, во всей его праздничности, яркости, эффектах. Он любил наивность, иллюзорность театра, его магические обманы. Для него происходящие на сцене события были самым

* Отрывок из главы,

главным, его увлекали, интересовали сами сценические положения.

Владимир Иванович больше всего в театре жил актером и автором. Человеческий характер для него был основой основ театра. Этим объясняется его влюбленность в характерного актера. Больше всего ненавидел он абстрагированные понятия в искусстве. Он терпеть не мог, допустим, абстрактного темперамента. Поэтому еще давно, в 1912—1913 годах, он выдвинул тезис о «природе темперамента — разгаза». Он говорил, что темперамент — это не абстрактное понятие: он доискивался того, на что направлен темперамент образа, и в зависимости от целей и идей, на которые этот темперамент направлен, для него становился ясным и характер человека.

Для него всегда важно было распределение ролей и, то, какое новое качество приобретает актер в данной роли.

Далеко не случайно, что основным тезисом творческого процесса для Станиславского является действие, а для Немировича-Данченко основным тезисом творческого процесса является характер — отсюда упор на «второй план» и «физическое самочувствие» актера. Это отнюдь не значит, что для Станиславского не интересен был характер. Речь идет об акцентах.

Владимира Ивановича и Константина Сергеевича как художников и мыслителей театра мы не можем рассматривать раздельно, надо воспринимать их в синтезе. Они взаимно оплодотворяли друг друга всю жизнь, вместе создавали науку о театре, и было бы непростительной глупостью пытаться создавать творческий метод, опираясь на одного из этих художников, минуя или исключая другого. Синтез их творческого мышления и практики создал Москвина, Качалова, Леонидова, Хмелева, Книппер-Чехову. Каждый из этих прекрасных актеров был бы беднее наполовину, если бы встретился только с одним из своих учителей.

...Владимир Иванович до последней минуты любил театр, любил его как бурное проявление жизни и борьбы, а таким людям всегда не хватает времени, чтобы подвести черту под своей работой.

Несмотря на разницу характеров, Константин Сергеевич и Владимир Иванович имели это общее качество — всепожирающую и вечную страсть к театру. Они пронесли ее через всю жизнь, начиная от встречи в «Славянском базаре» и кончая последним вздохом каждого из них. Этой любви к театру они принесли в жертву все, в том числе собственное самозабвение. Станиславский и Немирович были слишком крупными индивидуальностями в искусстве, чтобы строить один театр. И тем не менее высокая принципиальность, сознание ответственности перед русским искусством и своим народом заставили их пронести через всю жизнь знамя верности друг другу во имя того дела, которое они вместе создали. Своей жизнью в искусстве они дали великолепный урок будущим поколениям нашего театра.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

г. Москва

в 1 СЕН 1960